

Говард Филлипс Лавкрафт

С того света

(From Beyond)

Ужасные и совершенно необъяснимые изменения произошли с моим лучшим другом Кроуфордом Тиллингэстом, которого я видел в последний раз более двух с половиной месяцев назад. В тот памятный день я зашел к нему и он сообщил мне, в каком направлении продвигаются его естественно-научные и метафизические исследования; когда же в ответ на это он услышал с моей стороны тревожные, почти испуганные возражения, то в приступе дикой ярости вытолкнул меня из лаборатории, заявив напоследок, что вообще прекращает со мной всяческие контакты. С тех самых пор единственное, что мне было известно о нем, это то, что он дни и ночи напролет безвылазно проводит в своей наглухо закрытой лаборатории на чердаке, пребывая в обществе той самой дьявольской машины, избавившись от слуг и практически лишив себя пищи. Увидев же его снова, я невольно поразился, поскольку никак не мог представить себе, чтобы за такой весьма непродолжительный промежуток времени как какие-то десять недель человек мог не просто столь существенным образом измениться, но даже — да позволительно мне будет так выразиться — обезобразиться.

Что и говорить, мало приятно наблюдать, как крепкий мужчина чуть ли не в один миг резко превращается в тощего субъекта, почти старика; более того — что его кожа стала не просто дряблой и отвислой, но и приобрела серовато-желтоватый оттенок, широко раскрытые, поблескивающие нездоровым блеском глаза совсем провалились, на сморщенном лбу вспухли толстенные вены, а руки беспрерывно дрожат и дергаются. Ко всему этому следовало добавить общую неряшливость его внешнего облика, грязную, какую-то замызганную одежду, гриву спутанных и уже поседевших у корней волос и жесткую седую щетину на прежде всегда тщательно выбритом лице — одним словом, сложите все, о чем я здесь написал, и у вас получится достаточно полная и, несомненно, поистине шокирующая картина внешнего облика моего друга.

Однако именно таким предстал передо мной в ту ночь Кроуфорд Тиллингэст, когда после десяти недель нашего разрыва он наконец написал мне и в полубессвязных, почти неразборчивых фразах пригласил к себе. Именно таким я увидел то призрачное существо, которое дрожащей рукой открыло мне дверь — в другой его руке была зажата свеча, а сам он то и дело боязливо оглядывался назад, как если бы страшился появления в этом старинном и одиноком доме, притаившемся в глубине Беневолент-стрит, неких страшных, невидимых существ.

Сам по себе факт того, что Кроуфорд Тиллингэст стал всерьез заниматься естественными науками и философией, явился, в сущности, жестокой насмешкой судьбы. Подобные вещи ей следовало бы оставить на долю холодного и невозмутимого исследователя, ибо для человека страсти и действия они неизменно оборачиваются одним из двух, но неизменно трагических последствий: отчаянием —

если его поиски не приносят желаемого результата; и непередаваемым, поистине невообразимым кошмаром, если он наконец добивается своего.

Когда-то Тиллингэста буквально повсюду сопровождали неудача, одиночество и меланхолия, зато теперь — и я уже точно это знаю, хотя подобное знание и переполняет меня тошнотворным страхом — он наконец ухватился за хвост удачи. Должен признать, что еще тогда, два с половиной месяца назад, когда он впервые сообщил мне, чего именно дожидается от своих исследований, я предупредил его о возможных последствиях. До сих пор мне памятна его подчеркнута бурная реакция на мои слова, и то, сколь горячо, явно возбужденно разговаривал он тогда со мной, произнося своим высоким, неестественно пронзительным голосом надменно звучащие и одновременно размеренно-педантичные фразы:

— Что мы вообще знаем об окружающем нас мире и вселенной? — вопрошал он тогда. — Те средства и способы, посредством которых мы формируем собственные ощущения, абсурдно скудны и нелепо ущербны, а потому и наши представления об окружающих нас объектах бесконечно ограничены. Мы способны видеть вещи лишь в рамках отведенных нам способностей, и при этом совершенно неспособны уяснить, что они представляют из себя на самом деле. Посредством каких-то пяти жалких органов чувств мы пытаемся создать видимость того, будто действительно извели безграничные и невероятно сложные просторы космоса. Между тем, иные существа, обладающие более широким, мощным — вообще другим — диапазоном органов чувств, могут не только совершенно иначе воспринимать окружающие нас вещи, но и в целом способны видеть и изучать целые миры вещества, энергии и жизни, которые располагаются буквально у нас под носом, однако остаются совершенно недоступными для восприятия нашим организмом.

Я всегда верил в то, что в непосредственной близости от нас существуют странные и одновременно совершенно недостижимые миры, и сейчас, как представляется, мне удалось отыскать способ, благодаря которому можно будет сокрушить этот барьер. Нет-нет, я не шучу! В течение ближайших двадцати четырех часов эта машина, которую, ты видишь рядом с моим столом, станет источником особого вида волн, воздействующих на доселе неизведанные органы чувств, таящиеся в нас, но пребывающие в атрофированном, либо рудиментарном состоянии. Эти волны распахнут перед человеком громадные и обширные перспективы, причем некоторые из них окажутся подлинным открытием вообще для всего, что принято считать органической жизнью. Перед нами предстанет то, чему в темноте подвывают собаки и во что вслушиваются по ночам, подняв уши, уличные коты. Мы увидим такие вещи — массу вещей, — которые не доводилось видеть еще ни одному живому существу. Мы преодолеем барьер времени, пространства и измерения, и, не совершая ни малейшего телодвижения, проникнем в самые глубины мироздания.

Пока Тиллингэст говорил подобные вещи, я пытался было возражать, даже протестовать, поскольку видел, что все это не столько забавляет, сколько, скорее, пугает его, однако он пребывал в состоянии почти фанатичного возбуждения и потому в итоге выгнал меня из своего дома. Да и сейчас былого фанатизма в нем стало отнюдь не меньше, хотя я чувствовал, что желание высказаться все же

подавило у него презрение к моей персоне, и именно потому он написал мне ту странную, почти неразборчивую записку, приглашая немедленно прийти к нему в дом на Беневолент-стрит.

Входя в обитель своего друга, столь внезапно превратившегося в дрожащую горгулью, я сразу же почувствовал, что во всех углах этого дома притаился леденящий душу страх. Мне показалось, что все те слова, которые он произнес десять недель назад, словно воплотились сейчас в той темноте, которая затаилась за пределами маленького круга света, исходящего от одинокой свечи, и я невольно вздрогнул от звука глухого, сильно изменившегося голоса моего друга. Мне хотелось, чтобы в те минуты нас также окружали его слуги, однако Кроуфорд заявил, что три дня назад все они покинули его дом. Я невольно поразился тому, что старый Грегори так вдруг бросил своего хозяина, при этом ни слова не сказав о своем намерении столь доверенному и близкому другу, которым всегда считал меня. В сущности, именно от него я и получил всю информацию о жизни Тиллингэста после той нашей досадной и эмоциональной размолвки, когда Кроуфорд в ярости указал мне на дверь.

Довольно скоро, однако, мне удалось несколько унять собственные страхи, место которых постепенно стали занимать любопытство и самое неподдельное восхищение. Я мог лишь догадываться о том, чего именно ожидал сейчас от меня Кроуфорд Тиллингэст, однако в том, что он находился у порога какого-то невероятного открытия, не оставалось ни малейшего сомнения. Если прежде я еще осмеливался как-то возражать и даже протестовать по поводу его противоестественных попыток проникнуть в суть самого сокровенного, то сейчас, когда он определенно достиг на этом поприще вполне конкретного прогресса, я уже почти разделял его настрой, хотя внутренне и содрогался, мысленно представляя себе, каких жертв все это может стоить.

Я шел по темному, пустынному дому, следуя за слабым огоньком свечи, зажатой в подрагивающей руке этой ходячей пародии на человека. Электрический свет в доме был выключен, и сделано это, как пояснил он мне, по вполне конкретным причинам.

— Это будет слишком... Я просто не решаюсь... — продолжал бормотать он, и я обратил внимание на эту его новую и довольно специфическую манеру речи, похожую на некую разновидность разговора с самим собой.

Мы вошли в располагавшуюся в чердачном помещении лабораторию, и я сразу увидел довольно отталкивающего вида электрический агрегат, излучавший слабое, чуть подрагивающее, какое-то болезненное бледно-фиолетовое свечение. Машина была подсоединена к довольно мощному на вид аккумулятору, хотя в настоящий момент, как мне показалось, ток включен не был (насколько я мог запомнить, в ходе самого эксперимента, при работе она издавала гудящий, потрескивающий звук). Отвечая на мой вопрос, Тиллингэст лишь промямлил, что это постоянное свечение имеет отнюдь не электрическую природу, однако сейчас ему было бы трудно в более понятных выражениях объяснить суть происходящего.

Усадив меня рядом с машиной, так что она оказалась по правую руку от меня, он щелкнул каким-то выключателем, располагавшимся под гроздью ламп,

расположенных в виде некоего подобия короны. Послышалось характерное потрескивание, сменившееся глухим подвыванием, которое с каждой секундой становилось все громче, неистовее, а потом внезапно перешло в гудение, причем настолько мягкое, что я даже принял его за возвращение самой настоящей тишины.

Вскоре свечение усилилось, потом снова ослабло, после чего приобрело бледный, призрачный оттенок, или, скорее, стало походить на смесь цветов, характер которой я не берусь описать даже приблизительно. Тиллингэст пристально следил за моей реакцией и заметил появившееся у меня на лице изумленное выражение.

— Знаешь, что это такое? — прошептал он. — Это ультрафиолет. — Он странно хохотнул моему явному недоумению. — Ты всегда считал, что ультрафиолетовые лучи невидимы — в сущности, так оно и есть, однако сейчас ты способен видеть и их, и многое другое, что было прежде недоступно твоему зрению.

— А теперь слушай, — продолжал он. — Генерируемые этой машиной волны пробуждают в нас тысячи доселе дремавших чувств — тех самых чувств, которые дошли до нас через миллионы и миллионы лет эволюции человеческого существа от самых первобытных форм, зачатков органической жизни. Сам я уже видел подлинную, правду, и хочу, чтобы ты также получил такую возможность. Хочешь узнать, как все это выглядит? Сейчас увидишь.

С этими словами Тиллингэст уселся прямо напротив меня, задул свечу и со зловещим видом уставился мне в глаза.

— Твои органы чувств — в первую очередь, пожалуй, слух — также смогут воспринять массу разнообразных импульсов, поскольку они довольно тесно связаны с этими самыми дремлющими или спящими органами. Следом же за ними последуют уже иные ощущения. Скажи, ты когда-нибудь слышал о так называемой шишковидной железе? Знаешь, я просто корчусь от смеха, когда вспоминаю этих эндокринологов-верхоглядов, простофиль, именующих себя учеными, и на самом деле являющихся попросту выскочками, прикрывающимися учением Фрейда.

Так вот, скажу я тебе, орган этот — наиглавнейший из всех органов чувств, и обнаружил я это совсем недавно. В некоторой степени его можно уподобить органу зрения, передающему свои импульсы прямо в мозг, и если ты нормальный человек, то таким образом сможешь воспринять большую часть того... того, что находится как бы по ту сторону, можно сказать — на том свете.

Я оглядел громадное пространство его мансарды с наклонной южной стеной, которую слабо освещали лучи, отсутствовавшие в нашей повседневной жизни. Отдаленные углы помещения утопали в глубокой тени, а все пространство приобрело очертания какой-то подернутой дымкой нереальности, скрывавшей свою подлинную сущность и побуждавшей мозг мыслить категориями символизма и призрачных образов.

За тот отрезок времени, пока Тиллингэм хранил молчание, я ощутил себя словно находящимся в громадном храме давно усопших богов. Это было строение со смутно

очерченными формами и сложенное из бесчисленного количества черных каменных колонн, восходящих от влажных плит пола к туманным высотам, остававшимся за пределами моего зрения. Какое-то время картина эта оставалась вполне зримой, но постепенно стала сменяться более жуткими образами — словно я оказался в полнейшем, абсолютном одиночестве в бескрайнем, непроглядном, беззвучном космосе. Меня окружал сплошной вакуум, пустота, и больше ничего, и это пробуждало в душе странное, словно пришедшее из далекого детства ощущение животного страха. Я невольно потянулся рукой к карману пиджака, в котором лежал револьвер — с ним я не расставался ни на минуту с тех самых пор, когда впервые оказался в этом доме, расположенном в восточной части Провиденса.

Вскоре откуда-то издалека, словно из бездонной пустоты, начал доноситься еле различимый звук — бесконечно слабый, чуть вибрирующий и одновременно безошибочно музыкальный, в котором, однако, ощущалась неуловимая, дикая сила, сразу же мягко вцепившаяся в мое тело, окутавшая его мучительно-нежным покрывалом. Внезапно у меня сложилось впечатление, похожее на то, которое испытываешь, случайно задев ногтем грифельную доску. И в то же мгновение откуда-то потянул холодный сквозняк, источник которого, как я почти сразу же установил, располагался в той же стороне, откуда несло странное звучание.

Затаив дыхание я ждал, с каждой секундой чувствуя нарастание, усиление и того и другого — и звука, и сквозняка, — и при этом чувствовал себя так, будто оказался прикованным к стоящему между рельсами столбу, на который стремительно надвигается гигантский локомотив. Я принялся что-то говорить Тиллингэсту, причем заметил, что как только произнес первое слово, все эти столь необычные ощущения внезапно исчезли. Теперь я видел перед собой лишь хозяина дома, его светящуюся машину и утопающее во мраке помещение мансарды.

Тиллингэст презрительно косился на револьвер, который я, сам того не подозревая, выхватил из кармана, хотя по выражению его лица я понял, что он видел и слышал не меньше, а скорее всего даже намного больше моего. Я начал было описывать ему собственные ощущения, однако он кивком головы заставил меня не двигаться и как можно пристальнее вслушиваться и всматриваться в происходящее.

— Не шевелись, — добавил он, — поскольку эти лучи не только позволяют видеть все, что творится вокруг, но и делают видимыми нас самих. Я уже сказал тебе, что все мои слуги исчезли, но не пояснил, каким образом это произошло. Эта тупоголовая экономка — я ведь предупреждал ее, чтобы не зажигала внизу свет, но она не послушалась и все же зажгла его, а пробежавший по проводам ток лишь усилил ответную вибрацию. Что и говорить, пугающая это была картина — даже находясь здесь, видя и слыша происходящее, я не мог не различать ее воплей. Еще более кошмарное зрелище представляли из себя различные предметы ее одежды, разбросанные по всему дому. Основная же часть одежды миссис Апдайк валялась неподалеку от выключателя света — именно по ней я и догадался, что именно произошло. Они захватили ее всю, целиком. Однако до тех пор, пока мы сохраняем неподвижность, можно считать себя в относительной безопасности. Не забывай, что мы имеем дело со зловещим миром, в котором практически лишены каких-либо шансов на самооборону... Не шевелись!

Шок от сделанного открытия в сочетании с неожиданно произнесенной командой буквально парализовал все мое тело, и, охваченный ужасом, я вновь распахнул свой разум перед тем, что Тиллингэст называл «тем светом».

Теперь я находился в самой гуще вихря звука и движения, который совершенно не позволял разглядеть, что творилось у меня перед глазами. Где-то проглядывали расплывчатые очертания комнаты, а из некоей точки пространства словно вздымался бурлящий столб невообразимых образов или облаков, упирившийся в твердь крыши впереди и чуть правее меня.

Затем я снова увидел тот же храм, однако на сей раз его колонны поднимались в толщу воздушного океана света, а сверху, точно в том месте, где несколько минут назад громоздилась масса дымного столба, спускался яркий, слепящий луч. После этого представшее передо мной зрелище приобрело поистине калейдоскопический характер, и, находясь в самой гуще этого хитросплетения звуков, образов и чувственных ощущений, я вдруг ощутил, будто сам растворяюсь, или, по крайней мере, чувствую, словно моя телесная оболочка утрачивает свою былую прочность и монолитность.

Никогда мне не забыть одну особо яркую вспышку. На какую-то долю секунды я словно увидел клочок диковинного ночного неба, заполненного сияющими, вращающимися сферами, а когда они чуть умили свою яркость и скорость, стало видно, что мерцающие солнечные диски сближаются в некое подобие созвездия или галактики, имеющей вполне конкретную форму, причем форма эта сильно походила на очертания лица Кроуфорда Тиллингэста.

В какое-то другое мгновение я почувствовал, что мимо меня скользят громадные, словно нарисованные, но явно живые существа, которые изредка прикасались ко мне, а порой и просто пронзали мое тело. Метнув взгляд в сторону Тиллингэста, я поймал себя на мысли о том, что его более приученные к подобным зрелищам глаза также вполне отчетливо воспринимают эти же движущиеся образы. На память мне пришли его слова насчет шишковидной железы, и я невольно подивился, что же посредством этого сверхъестественного глаза мог видеть и уже видел он сам?

Неожиданно я и сам стал воспринимать окружающее словно через какое-то расширенное зрение. Сверху и передо мной, в светящемся и темном хаосе, стала проступать некая картина, которая, несмотря на всю свою размытость и нечеткость, все же имела вполне конкретные и постоянные очертания. Было в ней что-то отдаленно знакомое, поскольку неведомые и совершенно непривычные ее элементы как бы наслаивались на более близкие, земные образы, как если бы в кинотеатре луч проектора падал на заранее разрисованный экран или занавес.

Я увидел расположенную в мансарде лабораторию, электрическую машину, некрасивое, искаженное лицо сидящего напротив меня Тиллингэста; но самое примечательное заключалось в том, что ни один клочок этого знакомого мне пространства не пустовал. Совершенно неопишуемые образы — как живые, так и все прочие — переплетались в безумном коловращении и беспорядке, и рядом с тем или иным привычным для взора предметом вращались и сновали бесчисленные, абсолютно чуждые этому миру силуэты, неведомые мне существа.

Можно было представить себе все это и иначе — как если бы близкие мне предметы и вещи пронзали собой массу незнакомых вещей. При этом среди живых

субъектов попадались чернильно-черные, медузоподобные существа, которые вяло подрагивали в унисон с гулкой вибрацией странного агрегата. Они были представлены в чудовищном многообразии и количестве, причем к своему ужасу я обнаружил, что все они даже частично перекрывались, наслаивались, словно были полужидкими и свободно проникали друг сквозь друга, равно как и сквозь предметы, которые мы всегда считали твердыми и монолитными.

Характерно было и то, что все эти твари ни на мгновение не останавливались на одном месте, но беспрестанно кружили вокруг, одержимые какой-то явно зловещей целью. Иногда они словно нападали друг на друга — атакующая субстанция вдруг набрасывалась на свою жертву, и та в долю секунды полностью исчезала из поля зрения. С чувством дикой дрожи я внезапно осознал, какая участь постигла несчастных слуг этого дома, причем возникшая в моем воображении картина не исчезала все то время, пока я продолжал наблюдать других, уже новых обитателей этого обычно невидимого, но внезапно оказавшегося доступным органам моих чувств окружающего мира. Тиллингэст же неотрывно смотрел на меня и в какое-то мгновение быстро, возбужденно заговорил:

— Ну что, ты видишь их? Видишь? Видишь этих тварей, которые плавают, мечутся вокруг тебя, пролетают и проплывают сквозь тебя — и так всю твою жизнь? Видишь существ, населяющих то, что люди привыкли называть чистым воздухом и синим небом? Ну как, удалось мне сокрушить этот барьер, смог ли я показать тебе тот мир, видеть который не доводилось еще ни одному живому существу?

Даже сквозь дикий хаос звуков доносился до меня его пронзительный голос-крик, проступали черты обезображенной яростным напряжением физиономии, оказавшейся в непосредственной близости от моего лица. Теперь его глаза походили на горящие, полыхающие ямы, причем нетрудно было заметить, что горевший в них огонь был пламенем чудовищной ненависти. Машина продолжала омерзительно гудеть.

— А может, ты считаешь, что эти существа погубили моих несчастных слуг? Глупец, они ведь совершенно безобидны! Но слуги действительно исчезли, не так ли? Ты пытался остановить меня; ты опровергал и унижал меня именно тогда, когда я больше всего нуждался в одобрении и поддержке; ты, проклятый трус, страшился космической правды — но теперь я добрался и до тебя! Что же уничтожило всех моих слуг? Что заставило их так пронзительно, истошно кричать?.. Не знаешь! Ну что ж, скоро поймешь.

Посмотри на меня — слушай, что я скажу — ты в самом деле считаешь, что существуют такие понятия как время и величина? Уверен, что форма и материя — это нечто объективно существующее? Говорю тебе, что я достиг таких глубин, которые твой крохотный мозг не в состоянии даже приблизительно осознать. Я видел то, что творится за пределами бесконечного. Я вызвал демонов со звезд, где они обитают... Я запряг тени, которые скачут из одного мира в другой, сея повсюду смерть и безумие... Космос принадлежит мне, ты слышишь?! Теперь эти твари — алчущие, пожирающие, растворяющие все и вся — рыщут в поисках меня, охотятся за мной, однако я знаю, как от них можно ускользнуть. А обнаружат и уничтожат они именно тебя — как это

уже случилось со слугами...

Что же вы поеживаетесь, мой дорогой господин? Разве я не говорил вам, что очень опасно совершить хотя бы одно-единственное движение?.. А ведь я спасал тебя, говоря, что нельзя шевелиться — впрочем, мне это нужно было лишь для того, чтобы ты больше увидел и услышал, что я скажу. Если бы ты хотя бы пальцем пошевелил, они бы давным-давно набросились на тебя.

Впрочем, можешь не беспокоиться, большого вреда они тебе не причинят. Равно как и слугам они не сделали ничего плохого — просто при одном лишь виде их эти глупые создания подняли такой страшный крик... Мои милые зверушки далеко не симпатичны на вид, однако они прибыли из таких мест, где эстетические стандарты... несколько отличаются от наших. Распад произойдет совершенно безболезненно, уверяю тебя — но мне хочется, чтобы ты увидел их. Я тоже, можно сказать, увидел их, хотя при этом и знал, как можно их остановить. Тебе тоже хочется узнать, как это сделать? А зачем тебе это? Я всегда чувствовал, что в тебе нет абсолютно ничего от подлинного ученого. Дрожишь, да? Трясешься от нетерпения поскорее увидеть обнаруженных мною первосозданий? А почему бы тебе не пошевелиться? Устал? Ну что ж, мой друг, не волнуйся, они скоро придут к тебе... Смотри, черт бы тебя побрал, смотри... прямо у тебя над левым плечом...

Мне осталось сказать лишь самую малость — впрочем, вы и сами, наверное, знаете все это из газет. Полиция услышала звук выстрела, донесшийся из старого дома Тиллингэста, где и обнаружила нас — хозяина жилища мертвого, а меня — лежащего без сознания. Меня сразу же арестовали, поскольку в моей руке все еще был зажат револьвер, хотя в заключении я провел не более трех часов — довольно скоро выяснилось, что Тиллингэст скончался от разрыва сердца, тогда как пущенная мною пуля попала в ту самую чудовищную машину, которая теперь лежит на полу лаборатории, превратившись в груды бесформенных осколков и поломанных механизмов.

В разговоре с полицейскими я избегал излишних деталей по поводу того, что мне довелось увидеть, поскольку серьезно опасался более чем скептической реакции со стороны коронера. Правда, по тем отрывочным сведениям, которые мне все же пришлось привести в ходе допроса, полицейский врач предположил, что я, несомненно, оказался подверженным гипнотическому внушению некоего злобного и определенно преступного маньяка.

Как бы я хотел поверить в слова доктора! Это и в самом деле позволило бы мне подлечить свои основательно расшатавшиеся нервы, которые с новой силой начинают напоминать о своем жалком существовании всякий раз, когда я вспоминаю о чистом воздухе и безбрежном голубом небе над головой. С тех пор мне никогда не удастся по-настоящему расслабиться, и уж тем более, почувствовать себя наедине с самим собой; когда же усталость охватывает мое тело и мозг, вдруг непонятно откуда возникает дикое ощущение погони, безудержного преследования. Поверить же в слова доктора я не могу хотя бы по той простой причине, что полиции так и не удалось найти тела слуг Кроуфорда Тиллингэста, которых он якобы убил у себя в доме.

Перевод: Э. Серова, 1992 год